ФЕНОМЕН КАНТОРОВИЧА

19 января 2007 г. мировая научная общественность отмечает 95 лет со дня рождения Леонида Витальевича Канторовича. Создание математической теории наилучшего использования ресурсов принесло ему Нобелевскую премию по экономике и прославило российскую науку.

Линейное программирование Канторович открыл в 1939 году. Тогда же он совершил свое важнейшее открытие в математике. Канторович нашел «своего рода обобщенные числа», предложив новые модели вещественной прямой — основного инструмента математики переменных величин. Уже почти не осталось людей, кто знал Канторовича в пору его высших научных достижений. С фотографий конца 1930-х годов на нас глядит лик отрешенности одинокого гения. Мы не знали его таким.

Идеи и методы линейного программирования вышли далеко за пределы экономики, положив начало глубоким междисциплинарным исследованиям. В истории науки двадцатого века трудно назвать другого ученого, сделавшего так много для взаимопроникновения математики и экономики, для объединения диаметрально противоположных способов научного мышления. И. М. Гельфанд отмечал, что среди своих современников, осуществлявших синтез математической и гуманитарной культур, он, наряду с Канторовичем, может назвать только Дж. фон Неймана и А. Н. Колмогорова.

Одаренность Канторовича очевидна. Однако мало получить дар — надо уметь им воспользоваться. Между тем научный дар — это далеко не все, что нужно человеку. Человеческое — первично, научное — вторично. В бумагах Канторовича сохранились записки по технике самообучения искусству танцев...

В фенотипе Канторовича и в его природном характере были очевидны черты, затрудняющие успешную работу в науке и откровенно несовместимые с искусством «внедрения» своих идей. Канторович стал непохожим ни на кого из успешных ученых своего времени и явно почитаемым ими «гадким утенком».

Альфред Маршалл, основатель кембриджской школы экономики и автор многотомного трактата по политической экономии, резко противопоставлял экономическое и математическое мышление. Он писал, «что в экономической науке нет места для длинных цепей дедуктивных рассуждений», и видел цель экономического анализа «не в создании нескольких длинных цепей логических рассуждений, а в правильном создании многих коротких цепочек и отдельных соединительных звеньев». Образ «гребешков» Маршалла не имеет ничего общего с представлением о перевернутой пирамиде универсума фон Неймана, в котором обитает современная теория множеств. Красота и сила математики со времен Древней Эллады до наших дней связаны с аксиоматическим методом, предполагающим вывод новых фактов с помощью сколь угодно длинных цепей формальных импликаций.

Бросающаяся в глаза разница в менталитете математиков и экономистов затрудняет их взаимопонимание и сотрудничество. Невидимы, но вездесущи перегородки мышления, изолирующие математическое сообщество от своего экономического визави. Этот статус-кво с глубокими историческими корнями всегда был вызовом для Канторовича, несовместимым с его тезисом о взаимопроникновении математики и экономики.

Противоречие между блестящими достижениями и неприспособленностью к практической линии жизни — один из важных парадоксов, оставленных нам Канторовичем. Сама его жизнь стала ярким и загадочным гуманитарным феноменом. Интравертность Канторовича, очевидная в личном общении, совершенно неожиданно сочеталась с публичной экстравертностью. Отсутствие ораторского дара соседствовало с глубиной логики и особыми приемами полемики. Его внутренняя свобода и самодостаточность, мягкость, доброта и исключительная скромность стояли в одном ряду с целенаправленной жесткостью, неутомимостью, доходившей до применения метода «волчьей хватки» для достижения поставленной цели. Свобода Канторовича неудивительна — она проистекала из его сущности — математического дара. Его доброта и мягкость были качествами врожденными. Настойчивость и безудержная пробивная сила Канторовича — приобретенные признаки, которые он отобрал и культивировал в себе сознательно, руководствуясь соображениями рациональности.

Канторович может показаться неудачником в главном — в вопросе о признании центральной идеи его жизни, идеи взаимопроникновения математики и экономики. Однако такое мнение ошибочно. Несмотря на попытки замалчивания Канторовича и его идей, их торжество на самом деле неоспоримо. Яркими доказательствами стали изменение всей системы подготовки экономистов и уже неистребимые математизация и информатизация экономики как в ее функциональных, так и в управленческих аспектах.

Аппарат математики и идея оптимальности стали каждодневными орудиями любого практикующего экономиста. Вычисление победит гадание. Экономика как вечный партнер математики избежит слияния с любой эзотерической частью гуманитарных наук, не станет политикой и беллетристикой. Новые поколения математиков будут смотреть на загадочные проблемы экономики как на бездонный источник вдохновения и привлекательную арену приложения и совершенствования своих формальных методов.

Жизнь Канторовича — служение своему Отечеству вопреки идеологической конъюнктуре. Ее уроки исключительно важны в наши дни. Попытки замолчать и оболгать наследие Канторовича обречены на провал. Пигмеи не смогут спрятать гиганта. Гений рациональности в науке, Канторович был гениально рационален в выборе своей мировой линии, своего пути в науке. Своим примером он дал нам образец наилучшего использования собственных личностных ресурсов при наличии разнообразных внешних и внутренних ограничений.

С. С. Кутателадзе